

- ³¹ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5592. Л. 63–64.
³² Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале, XVII – начало XX века. Биографический справочник. Свердловск, 1981. С. 23, 139.
³³ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5701. Л. 1–2.
³⁴ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6610. Л. 235; Д. 6018. Л. 8.
³⁵ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 876. Л. 1–3.
³⁶ Там же. Л. 264–265; ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 876. Л. 81, 124–135.

Е.Ю. ЛЕБЕДЕНКО

ЧИСЛЕННОСТЬ И ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЩАНСТВА ПЕРМСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА В КОНЦЕ XVIII в.

Обращая внимание на неоднородность важнейшей составляющей модернизационного перехода – урбанизации – в различных регионах страны, исследователи отмечают необходимость дальнейшего изучения данной проблемы в региональном разрезе¹. Темпы прироста городского населения, источники его пополнения, динамика численности горожан и структурные сдвиги в социальном составе городских жителей позволяют судить об уровне модернизации российского дореформенного города².

Однако социальные процессы среди горожан второй половины XIX в., изучены гораздо полнее, нежели трансформации более раннего периода (до середины XIX в.)³. Поэтому наше внимание будет сосредоточено на последних двух десятилетиях XVIII столетия – ключевого периода в развитии дореформенного провинциального города. Образование в 1781 г. Пермского наместничества в ходе проведения областной реформы позволило существенно перестроить и расширить городскую сеть, учредить новые города, в которых начинали складываться новые городские сословия. К числу последних, несомненно, относились и мещане, выделенная в 1775 г. из купечества податная группа горожан⁴. К моменту образования Пермского наместничества в 1781 г. на территории Приуралья, как и прочих окраинных регионах страны, отмечался крайне низкий удельный вес как городского гражданства в целом, так и мещан в частности⁵.

Сведения о численности мещан в исследуемый период позволяют получить данные ревизского учета (1782 и 1795 гг.). Возможно, материалы ревизий не отличаются точностью и полнотой по отношению к

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-6582.2012.6.

лицам женского пола. Тем не менее подсчеты, основанные на данных о «прибыли» и «убыли» мещан мужского пола (душ м.п.), позволяют судить о направленности процессов меж- и внутрисословных переходов⁶. Общая численность мещан наместничества с 1782 по 1795 гг. выросла с 6843 до 8323 (душ м.п.), увеличившись на 20 % (см. Табл. 1). В 1782 г. три четверти мещанства (75,6 %) было сконцентрировано в четырех городах наместничества, образованных задолго до начала XVIII в. Немногим менее одной пятой приходилось на долю «новоучрежденных» Перми, Екатеринбургa и Ирбита. Последний хотя и был образован в 1775 г., но статус центра уезда получил лишь в 1781 г. Красноуфимск и Шадринск имели всего лишь 3 и 1,5 % мещан наместничества. Менее 1% принадлежало Камышлову и Алапаевску. Что касается остальных четырех городов, то данные о существовании местного мещанства там в начале 1780-х гг. отсутствуют. Через 13 лет, к середине 1790-х гг., положение изменилось. Уменьшились относительные показатели ранее лидировавшей четверки (примерно на 5 пунктов у Кунгура и Соликамска, чуть меньше — на 3 — у Чердыни и Верхотурья), увеличилась доля общин «новых» городских центров. Стремительный рост — в 3 раза — продемонстрировал Екатеринбург, сосредоточив около 15 % мещанства наместничества. Пермь вобрала в себя почти в 2 раза меньше — 8,2 % от общего числа мещан. Доля ирбитчан снизилась до 6,7 %. Так и не смогли войти в число городов, удельный вес которых превышал бы пять процентов Красноуфимск и Шадринск. Хотя показатель Красноуфимска увеличился на 0,3 %, а Шадринска — на 1 %. Крайне незначительное число мещан приписалось к небольшим Далматову, Осе, Оханску и Обве, составив в сумме менее 1 % от общего числа.

Табл. 1

Численность мещан в городах Пермского наместничества в 1782 - 1795 гг., душ м.п.

№ п/п	Города	1782		1795	
		Абс.	%	Абс.	%
1	Кунгур	2229*	32,5	2353	28,5
2	Соликамск	1130	16,5	972	11,8
3	Чердынь	935	13,6	872	10,6
4	Верхотурье	890	13,0	963	11,6
5	Ирбит	547	7,9	559	6,7
6	Пермь	402	5,8	681	8,2
7	Екатеринбург	343	5,0	1180	14,3
8	Красноуфимск	215	3,1	281	3,4

Табл. 1. Окончание

№ п/п	Города	1782		1795	
		Абс.	%	Абс.	%
9	Шадринск	108	1,5	213	2,5
10	Камышлов	31	0,4	42	0,5
11	Алапаевск	13	0,1	54	0,6
12	Далматов	—	—	24	0,3
13	Оса	—	—	21	0,2
14	Оханск	—	—	9	0,1
15	Обва	—	—	8	0,1
	Всего	6843	100	8232	100

Составлено автором по: Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 141. Оп. 1. Д. 34. Л. 340; Городской архив г. Шадринска (далее — ГАШ). Ф. 474. Оп. 1. Д. 19. Л. 92 — 95 об.; Горбунов А. Кунгур и кунгурский уезд в 1781 г. // Кунгурско-Красноуфимский край. № 11-12. 1925. С. 18; Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Пермь, 1891. Вып.3. С. С. 36-37, 46; История Курганской области. Досоветский период. Т. 3: Города Зауралья. Курган, 1998. С. 72.

Примечания: * данные за 1781 год

На протяжении всего исследуемого периода Кунгур — административный и экономический центр Приуралья — лидировал по общему количеству мещанства. В городе, население которого специализировалось преимущественно на хлебной торговле и производстве кож, проживала почти треть всех мещан наместничества. Причём костяк данной группы составляли «старожилы... в посаде известные по прежним переписям». Согласно данным обывательской книги города конца 1780-х гг., «преждезаписанные при первых ревизиях в кунгурский посад» составляли 97%, а вновь записавшихся «в оклад по городу» со времени четвертой ревизии (1782 г.) насчитывалось всего 3% (27 семей из 674). Большинство новичков ранее принадлежало к сословию крестьян — 14 семей, в т.ч. 12 государственных и 2 ясашных. Семь семей приписалось из мещанства Чердыни, Соликамска и вятского Кайгорода, три — из духовного сословия, одна женщина была вдовой отставного подпрапорщика, еще одно семейство происходило «из прусаков». Происхождение двух остальных неизвестно. Места выхода мигрантов подтверждают наблюдение Ю.Р. Клокмана о том, что к концу столетия Кунгур оставался «центром хозяйственного тяготения территории, превышавшей границы его уезда»⁷. Для большинства переселенцев решающую роль в приписке к Кунгuru сыграла специализация в области кожевенного производства: в графе их занятий значились «шитье ковтов» и выделка кож⁸. В исследуемый период наблюдался процесс мед-

ленного роста числа горожан, состоявших в мещанском окладе, с 2 229 душ м.п. в 1781 г. до 2 353 в 1795 г. Кунгур, будучи старым административным и торговым центром со сложившимся городским «миром», демонстрировал тенденцию к росту, что позволило ему сохранить прежний «людской» потенциал и остаться притягательным для выходцев из других городов и сословий⁹.

Аналогичные тенденции в конце XVIII в. наблюдались в другом «старом» городе – Верхотурье. Хотя перемещение главного сухопутного тракта с линии Соликамск-Верхотурье-Тобольск повлияло на значение города в последней трети XVIII в. Движение основного грузопотока в обход Верхотурья негативно отразилось на его развитии. Однако продукция юфтяного завода и рогожные кули вывозились местными торговцами на Троицкую и Ирбитскую ярмарки и в Сибирь. Значимым также являлось изготовление извести и добыча жернового камня¹⁰. По 4-й ревизии (в 1782 г.) в Верхотурье числилось 890 мещан (душ м.п.); а через 13 лет – в 1795 г. – 963. Прирост составил 73 души м.п. (8%), хотя удельный вес верхотурцев в общем числе мещан наместничества и снизился на 1,4 пункта.

В менее благоприятном положении оказались общины Чердыни и Соликамска. Открытие Большой почтовой дороги в 1781 г. через Пермь-Кунгур-Екатеринбург-Камышлов сузило базу их развития и послужило одной из причин экономической стагнации. Тенденции, характеризующие динамику численности чердынского и соликамского мещанства, весьма близки. К концу XVIII в. здесь наблюдалось постепенное уменьшение количества мещан, положенных в оклад. Так, в Соликамске произошло сокращение с 1 130 душ м.п. в 1782 г. до 972 в 1795 г.

Представление о возможностях социальной мобильности мещан уральского города позволяют получить материалы ревизских ведомостей Чердыни. Из данных таблицы 2 следует, что социальная динамика за 13 лет, с 1782 по 1795 гг., охватила всего 14,9% мещан, в то время как смертность на 27,8% сократила число членов этой социальной группы. На её состав демографический фактор повлиял практически вдвое сильнее, чем социальный, продемонстрировав низкий уровень социальной мобильности и небольшую среднюю продолжительность жизни мещан¹¹. Процессы вертикальной социальной мобильности: переход в другое сословие, отдача в рекруты, отправление в ссылку и на поселение, – оказались интенсивнее процессов горизонтальной мобильности (смена легитимным путём мещанского общества или побег). В горизонтальные социальные перемещения было вовлечено 4,3% представителей мещанского сословия, в вертикальные – почти в 3 раза больше. Самым важным каналом горизонтальной мобильности явля-

лась «переписка в разные места». Наиболее значимым каналом вертикальной мобильности стало рекрутство (6,3%), которое вряд ли можно назвать социальным «лифтом». К случаям восходящей мобильности нужно отнести переход в купечество (4,4%). Всего 0,3% мещан испытали на себе нисходящую мобильность — 3 мещанина были сосланы на поселение и в каторжную работу.

Табл. 2

Убыль мещан Чердыни в 1782 — 1795 гг., душ м.п.

Канал убыли	Абс.	%
Переписалось в разные места	34	3,6
Бежало	7	0,7
Отдано в рекруты	59	6,3
Сослано на поселение и в каторжную работу	3	0,3
Перешло в купечество Чердыни	41	4,4
Итого перемещений	144	14,9
Число в 1782 г.	935	100
Число в 1795 г.	887	94,8
Умерло	260	27,8

Составлено автором по: Исторический архив Чердынского краеведческого музея (далее — Исторический архив ЧКМ). Ф. 2. Оп.1. Д. 2838/23. Л.127 об., 164 об.

Мобильность, связанная с увеличением численности сословия затронула всего 6% мещан, при этом вертикальные и горизонтальные перемещения имели почти одинаковое значение (см. Табл. 3). Причём вклад рождаемости в воспроизводство сословия оказался почти в пять раз выше, чем социальной мобильности. Наиболее заметными каналами «входа» в мещанскую общину сыграли переходы из купечества и духовенства.

Табл. 3

Источники пополнения мещан Чердыни в 1782 — 1795 гг., душ м.п.

Канал прибыли	Абс.	%
«После той ревизии оказавшиеся в проронке»	4	0,4
«По приговорам уголовной палаты и прописных»	19	2
«из г-на Турчанинова мещан»	10	1
Перешло:		
из купцов	16	1,7
из священно-церковнослужителей	11	1,1
из экономических крестьян	1	0,1
из незаконнорожденных	2	0,2
Итого перемещений	63	6,7
Число в 1782 г.	935	100
родилось	292	31,2

Составлено автором по: Исторический архив ЧКМ. Ф. 2. Оп.1. Д. 2838/23. Л.127 об., 164 об.

В целом, «выход» из мещанского сословия происходил намного интенсивнее «входа», вследствие чего общая численность чердынско-го мещанства за 1782-1795 гг. сократилась. Решающую роль в оттоке мужского населения сыграли рекрутская повинность и переходы — как в общины других городов, так и в местное купечество. Немаловажным фактором, повлиявшим на развитие Чердыни конца XVIII в., стал пожар 1792 г., от которого пострадали практически все местные жители¹². Часть из них не смогла восстановить былое благосостояние и была вынуждена уехать из родного города, и, как следствие, выписаться из общины. К 1795 г. лишь 86,5% местных жителей относилось к категории «заселившихся в городе домами», т.е. старожилов¹³. Выходцев из Чердыни можно было обнаружить среди «вновь записавшихся» пермяков, кунгурцев, екатеринбуржцев и др.

В Ирбите, как и в других городах, образованных до 1781 г., численность местного мещанства в исследуемый период в абсолютном значении выросла, а удельный вес среди мещан наместничества снизился с 7,9 до 6,7% (см. Табл. 1). По окончании четвертой ревизии в ведомостях местного магистрата было зафиксировано 558 «мещан, положенных в оклад» по городу¹⁴. Г.И. Балбашевский приводит другую цифру — 547 душ м.п., скорее всего извлеченную из сводных по ревизии документов администрации наместничества, материалы же местного управления — в данном случае магистрата — представляются нам более точными. Через 13 лет, в 1795 г. в документации того же магистрата фигурирует уже 564 мещанина (душ м.п.). Прирост мещанства Ирбита составил 1%.

Табл. 4

Источники пополнения мещан Ирбита в 1782 — 1795 гг., душ м.п.

Канал прибыли	Абс.	%
Переписалось из мещан других городов	6	1
Перешло		
из купцов	34	6,1
из священно-церковнослужителей	10	1,7
из дворовых людей	10	1,7
из незаконнорожденных и непомнящих родства	4	0,7
из крестьян	4	0,7
из ямщиков	3	0,5
из «конфедератских» детей	1	0,1
Итого перемещений	72	12,9
Число в 1782 г.	58	100
Число в 1795 г.	564	101

Составлено автором по: ГАСО. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15. Л. 99 - 102 об.

Данные Табл. 4 показывают, что в процессы социальной мобильности было вовлечено всего 13% ирбитских мещан, что даже чуть меньше, чем в указанный период в Чердыни. Доминирующими каналами перемещений являлись вертикальные. Наиболее заметным из них, как и в Чердыни, служили переходы из купечества (6,1%). По 1,7% приходилось на долю выходцев из среды духовенства и дворовых людей. Малозначимым было пополнения мещан людьми, имевшими статус крестьян, ямщиков, незаконнорожденных и непомнящих родства. Необычным представляется приписка одного потомка конфедератов.

Выводы, полученные на основании ревизского учета, позволяют скорректировать данные обывательской книги города 1796 г.¹⁵. Подсчеты «вновь записанных» мещан Ирбита показывают, что наибольший по интенсивности приток извне отмечался не в пятую (20%), а в четвертую ревизии (66% от всего числа «вновь записанных» в мещанство Ирбита). Доля приписавшихся между ревизиями составила всего 14%. Суммируя же результаты перемещений во время и между четвертой и пятой ревизиями, увидим, что лидирующее положение занимает канал горизонтальной мобильности — доля выходцев из посадов других городов равняется 60% и численно преобладает среди остальных категорий. На втором месте с 14% — крестьянство; 7,5% принадлежит дворовым людям, 5% — выходцы из духовного звания, 4% — купечество, 2,7% — непомнящие родства и незаконнорожденные, 1% — ямщики и солдатские дети, менее 1% — дети конфедератов. Наибольшее количество ирбитских «вновь записанных» мещан происходило из городов Верхотурья (40%) и Туринска (30%). Также были отмечены выходцы из таких западносибирских городов как Тобольск (15,2%) и Тюмень (5,2%). Намного меньше приписалось из Соликамска (3%), Великого Устюга (5,2%) и Юрьева-Польского (1,3%)¹⁶. Перечень мест выхода мигрантов совпадает со схемой наиболее прочных экономических связей Ирбита. Как считает Ю.Р. Клокман, привлекательной для них являлась расширяющаяся в последней трети XVIII в. ярмарочная торговля города¹⁷. Всего же доля поступивших в число ирбитских мещан благодаря социальным перемещениям в период с 1782 до 1795 гг. (включая время проведения ревизий) составила 20,3% (от всего числа мещан города 1795 г.).

На протяжении всего изучаемого периода самым крупным городским поселением Пермского наместничества оставался Екатеринбург. Численность горожан в 1786 г. составила 9245 человек. На рубеже веков Екатеринбург — единственный город наместничества, число жи-

телей которого достигло 10 тыс. человек¹⁸. Приобретение местным посадом статуса уездного города и областного центра в 1781 г., а также снятие административных запретов на приписку к городским сословиям Екатеринбурга со стороны горного ведомства, оказало положительное влияние на экономику города и способствовало росту его населения¹⁹. До четвертой ревизии екатеринбургское мещанство включало в себя 343 души м.п.²⁰. Между 1782 и 1795 г. оно увеличилось в 2,9 раз, главным образом за счет социальных перемещений — притока лиц из других сословий²¹. Наиболее часто местную мещанскую общину пополняли жители Соликамска. В посаде Екатеринбурга к 1793 г. насчитывалось 14 выходцев из этого города, записавшихся в период с 1782 г. Через два года, в пятую ревизию (1795 г.) в екатеринбургский магистрат также поступило несколько прошений соликамских мещан о переходе в общество Екатеринбурга²². В течение двух последних десятилетий к городу активно приписывались также чердынцы и верхотурцы²³. В период между четвертой и пятой ревизиями в екатеринбургский посад записалось и 15 кунгурских семейств²⁴. В «мещанский оклад» Екатеринбурга поступили также посадские люди городов Европейской части России и Западной Сибири²⁵.

Что касается вертикальной мобильности, то ведущим каналом пополнения группы мещан выступали «сельские поселяне». К городскому обществу Екатеринбурга только в 1782—1786 гг. из крестьянства было приписано 167 душ м.п., что составило 26% от всего числа «положенных в 40-алтынный оклад по городу». Из них 119 человек происходили из государственных крестьян, 45 — из экономических, 3 — из дворцовых²⁶. Чаше прошения о записи в местный посад подавали крестьяне ближайших слобод (например, Екатеринбургской и Уткинской)²⁷. Поток желающих записаться в оклад по городу из данной категории не ослабевал до конца века. Двойные подати по городскому и сельскому званиям в январе 1798 г. взимались со 101 екатеринбургского мещанина. Из них 90 человек происходили из государственных крестьян, 4 — из экономических. Семеро ранее принадлежали дворцовому ведомству. Их доля составляла 7% от всех положенных в мещанский оклад²⁸. Количество приписавшихся в начале 1790-х гг. было столь велико, что часть мещанского общества выступала против записи новых членов²⁹. Доля старожил (числившихся по городу до реформы 1775 г.) составила к 1795 г. около 32,5% от числа лиц, находившихся в мещанском окладе³⁰.

Источники комплектования мещанства города были разнообразны и включали такие редко встречающиеся в других городах катего-

рии как отставные мастерские и «вышедшие из-за границы». Горное ведомство внимательно следило и пресекало попытки приписки в градские звания тех лиц, кто «состоит в ведении казенном и принадлежит в мастерство»³¹. Тем не менее в начале 1790-х гг. местный магистрат зарегистрировал три прошения о приписке «в оклад» заводских работников, каждый из которых представил паспорт об отставке. Ранее они находились в ведении Екатеринбургской монетной экспедиции и Екатеринбургского казенного завода. Один был уволен «за болезнью его», другой — по старости³². Запрос в их «бывшие команды» показал, что «надобности казенной» в отставниках «более не имелось» и вскоре все трое были зачислены в мещанский оклад по городу³³. Право включения в мещанство «вышедшие из-за границы» получили в манифесте 27 апреля 1780 г. (ст. 3)³⁴. Четыре «великороссиянина, вышедших из Молдавии», воспользовались им в 1795 г., поступив в мещанство Екатеринбурга на основании указов наместнического правления³⁵.

Другой «новоучрежденный» город — столица наместничества Пермь также продемонстрировал тенденцию к увеличению численности «положенных в мещанский оклад по городу» (см. Табл. 1). Отсутствие посада до 1781 г. предопределило ведущую роль социальных перемещений в формировании местного гражданства. В его становлении принимали активное участие соликамцы, кунгуряки и чердынцы³⁶. В числе первых осенью 1781 г. они подали челобитные о записи в пермское мещанство³⁷. В результате к моменту окончания 4-й ревизии (1782 г.) в пермском посаде насчитывалось 402 мещанина и цеховых ремесленника (душ м.п.)³⁸. Процесс приписки к посаду города после 1782 г. активно продолжался. По данным 1790 г., 27 семей мещан Перми переселились из соликамского посада, 14 — из чердынского и 6 — из кунгурского³⁹. Пермскими «поселенцами» становились выходцы из окрестных заводских поселков и сельских общин⁴⁰. Доля сельских поселян в пермском мещанстве в 1790 г. составляла около 40%⁴¹. Другими источниками пополнения следует назвать уволенных из духовного сословия и иностранцев. К 1790 г. по одному семейству из «польских выходцев», новокрещенных турок, саксонцев и греков стали полноправными членами пермского общества. Из сыновей церковнослужителей, уволенных к этому году из прежнего звания, в мещанстве Перми числилось 11 семейств⁴². По мнению исследователей, ускоренное развитие города как административного центра наместничества и торгово-экономического центра области способствовало в конце XVIII в. росту городских сословий Перми⁴³.

Красноуфимское мещанство, аналогично пермскому, начало формироваться после 1781 г. Хотя самой многочисленной категорией жителей Красноуфимска еще долгое время оставались казаки гарнизона, служившие на Оренбургской линии⁴⁴. После получения городом уездного статуса записаться в здешнее мещанство в первую очередь пожелали крестьяне уезда, а также купцы и мещане, которые ранее были приписаны к ведомству Кунгурского магистрата, но «жительство имели» поблизости от новообразованного города. Именно кунгуряки сформировали костяк гражданства Красноуфимска. Из 255 человек, записавшихся в местное мещанство в 1782 г., 245 относились к числу «живущих в разных селениях Красноуфимской округи» посадских Кунгура. Остальные 10 — были выходцами из других «старых» уральских городов (Чердыни и Соликамска)⁴⁵. К 1793 г. в Красноуфимске было уже 255 мещан и цеховых (душ м.п.)⁴⁶. К окончанию пятой ревизии в 1795 г. их число возросло до 281 душ м.п. (см. Табл. 1). Таким образом, основную роль в формировании состава жителей сыграли крестьяне и мещане, и происходило оно по каналам горизонтальной и вертикальной мобильности.

На протяжении изучаемого периода увеличивалось мещанство в Шадринске. В конце XVIII в. его община была крайне невелика (менее 3% от общего числа мещан наместничества). Согласно четвертой ревизии в городе насчитывалось 108 мещан и цеховых (душ м.п.), их доля среди населения Шадринска равнялась 13,5%⁴⁷. В 1793 г. к местному мещанству относилось 137 душ м.п.⁴⁸ Однако уже в 1795 г. аналогичный показатель составил 213 душ м.п.⁴⁹. Сведения из обывательской книги Шадринска позволяют проследить происхождение мещан на 1793 г.⁵⁰. Почти половина из них (57,9%) — бывшие крестьяне («старожилы подгородной волости» и ближайшей округи). 13% записалось из «церковнослужителей и их детей». Немногим меньше — 11,5% — числилось ранее в посадах Челябинска (3 семьи), Хлынова (2 семьи), Чердыни, Екатеринбурга и Воронежа (по 1-му семейству). В 1782 г. из солдатских детей записались Сидор Приблагин и Петр Моксеев (2,8%), а Петр Каширин был выходцем из однодворцев города Воронежа (1,4%). С 1786 года в шадринском мещанстве состоял Осип Алексеев — житель Выборгской губернии города Фридрихсгама, «восприявший веру греческого исповедания».

В Камышлове, образованном из слободы, большинство жителей которой являлись крестьянами, в межревизский период наблюдался медленный рост числа мещан (см. Табл. 5).

Источники пополнения мещан Камышлова в
1782 — 1795 гг., душ м.п.

Канал прибыли	Абс.	%
Перешло		
из священно-церковнослужителей	1	3,2
из незаконнорожденных и непомнящих родства	3	9,6
из крестьян	6	19,3
из разночинцев	1	3,2
из детей боярских	2	6,4
Итого перемещений	13	41,9
Число в 1782 г.	31	100
Число в 1795 г.	50	161
родилось	14	45,1
убыло (в т.ч. умершие и рекруты)	8	25,8

Составлено автором по: ГАСО. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15. Л. 111 - 139.

Особенностью источников формирования мещанства Камышлова в исследуемый период следует признать отсутствие горизонтальной мобильности. Хотя сведения, например, Екатеринбургского городского магистрата показывают, что в 1787 г. в здешнее мещанство был перечислен екатеринбуржец Козьма Деревнин с семейством (всего 3 чел.)⁵¹. Вполне возможно, что ко времени проведения пятой ревизии в 1795 г. он успел переписаться в общину другого города. Тем не менее редкие переходы в местное мещанство граждан из других городских центров свидетельствуют о невысоком экономическом потенциале Камышлова конца XVIII в. Характерно, что самым значимым каналом вертикальной мобильности являлись переходы крестьян (в основном Камышловской округи). Традиционными стало принятие лиц, уволенных из духовного звания, а также незаконнорожденных и непомнящих родства. Единичными были поступление из детей боярских и разночинцев. Практически одинаковое число родившихся и «вновь записавшихся» позволяет говорить о равной значимости для складывания мещанской общины Камышлова процессов естественного движения населения и социальных перемещений.

В учрежденном при заводе в 1781 г. и сразу же «назначенном» центром уезда, Алапаевске сложилась иная ситуация. В четвертую ревизию к его посаду приписалось 13 мещан. Они поступили по распоряжению администрации наместничества из числа детей церковно- и священнослужителей, уволенных из духовного сословия⁵². К 1795 г. количество алапаевских мещан выросло в 5 раз и составило 57 душ м.п. Как следует из

данных Табл. 6, основным источником роста служила социальная мобильность. Ведущую роль сыграли перемещения в пределах социальной группы мещан (таким образом была сформирована почти половина местной общины). Среди переписавшихся лидировали выходцы из Екатеринбурга (19%), второе место разделили тюменцы и верхотурцы (по 14%), 5% имели тоболяки. Из вертикальных перемещений важнейшее значение приобрела восходящая мобильность крестьян (21%). Менее значимыми для пополнения мещанства явились категории незаконно-рожденных и непомнящих родства, духовенства и солдатских детей (по 3 души м.п., или 5%). И лишь один записался «из ямщиков» ведомства Верхотурской округи Махневского волостного суда⁵³.

Табл. 6

Источники пополнения мещан Алапаевска
в 1782–1795 гг., душ м.п.

Канал прибыли	Абс.	%
Переписалось из мещан других городов	19	146
Перешло		
из священно-церковнослужителей	3	23
из незаконнорожденных и непомнящих родства	3	23
из крестьян	12	92
из ямщиков	1	7,7
из «солдатских детей, прижитых в отставке»	3	23
Итого перемещений	41	315
Число в 1782 г.	13	100
Число в 1795 г.	57	438
Родилось	3	23

Составлено автором по: ГАСО. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15. Л. 143 - 148 об.

Таким образом, прирост местной общины происходил за счет высокой социальной мобильности, характерной для алапаевского мещанства.

К городам с крайне незначительным числом мещан относились уездные центры Оса, Оханск, Далматово и Обва. Первый из них — Оса — бывший пригородок, основанный в конце XVI в. Оханск, Далматово и Обва (Обвинск) были назначены городами из сел (Оханск — селения, принадлежавшего ранее Оханской Введенской пустоши; Далматово — из Николаевского селения при Далматовском Успенском монастыре; Обва — из села Верх-Язьвенского)⁵⁴. Большинство жителей этих населенных пунктов принадлежали к крестьянскому сословию. К 1793 г. в Обве числилось 9 мещан (душ м.п.), в Осе — 8, а в Оханске и Далматове — по 7⁵⁵. В сумме они составляли 31 мещанина (душ м.п.), меньше, чем

в любом другом городе наместничества. По окончании пятой ревизии в 1795 г. в 3 раза возросло количество далматовцев и осинцев, положенных в мещанский оклад (до 24 и 21 соответственно). Число мещан Оханска, по сравнению с 1793 г., увеличилось всего на 2 души м.п., а Обвы осталось неизменным (см. Табл. 1). Мещанство всех четырех городов формировалось исключительно за счет приписки. Его мизерная численность, видимо, свидетельствует о малой экономической привлекательности первых трех городов и отсутствием её у Обвы. Возможно, в дальнейшем нежелание записываться в мещанство способствовало ликвидации местной городской общины и переводу города сначала в статус заштатных (1797 г.), а впоследствии и к его упразднению.

Проведенный анализ динамики численности и источников формирования мещанства Пермского наместничества показывает, что в 1780—90-е гг. оно увеличивалось, наиболее интенсивно — в годы проведения переписей (1782 и 1795 гг.). В гражданство новообразованных городских центров переписывались выходцы из «старых» уральских городов и других регионов (Европейской России и Западной Сибири). Немаловажную роль сыграли и представители не-городских сословий (главным образом крестьянского). Притягательность того или иного городского центра определялась уровнем его экономического развития. Вообще комплектование мещанства наместничества в значительной степени зависело от специфики развития того или иного города. Для городов региона, имевших посады до 1781 г. (Кунгура, Соликамска, Верхотурья, Чердыни, Ирбита), основой новой социальной группы послужили трансформировавшиеся местные общины. Для остальных городских центров данный источник формирования был второстепенен, там важнейшую роль сыграли крестьяне. Как правило, к городам приписывались крестьяне ближайшей округи, главным образом — государственные. Контингент мещан Пермского наместничества сложился из крестьян, посадских людей и мещан «старых» уральских городов и городов Центральной России и Западной Сибири. Постоянным источником пополнения мещанских обществ служило купечество, определенное влияние оказали выходцы из духовного сословия. Разночинцы также приписывались к мещанству городов. Среди них можно выделить незаконнорожденных и непомнящих родства, бывших дворовых людей, солдатских детей. Доля иностранцев и ямщиков оказалась ничтожно мала. Ведущую роль в пополнении мещанства большинства городов сыграли социальные перемещения. Исключением стали Чердынь и Соликамск, в которых доминировали процессы естественного движения населения, а социальная мобильность была невысока⁵⁶.

Примечания

¹ См. например, Симонова Е.В. Города Тульской губернии в процессе урбанизации в XIX веке: дисс. ... д.и.н. М., 2005.

² Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990; Он же. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). В 2-х тт. СПб., 1999. Т.1; см. также Акользина М.К. Изменение социальной структуры населения среднего русского уездного города в первой половине XIX века (по материалам Моршанска Тамбовской губернии). автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002; Пюрияйнен Д.М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX - начале XX в.: социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2009; Стрекалов Д.В. Социально-демографическое развитие губернского города Тамбова в конце XVIII - первой половине XIX вв. автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010 и др.

³ См. обзор исследований по уральскому городоведению Козлова В.Ю. Город и городское население Пермского Прикамья второй половины XIX века в социальном, культурном и этническом измерениях. автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011.

⁴ Рындзюнский П.Г. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население // Общество и государство феодальной России. Сб. статей. М., 1975. С. 87. Через 10 лет, в 1785 г., за мецанством законодательным путем был закреплён самостоятельный сословно-правовой статус принадлежности к «податному званию». ПСЗ-1. Т.22. № 16188; см. также Лавринович М.Б. Социально-политическая программа Екатерины II: «третье сословие» как утопия русской истории // Философский век. Альманах. Вып.12. СПб., 2000. С.60-73.

⁵ До 1781 г. города Кунгур, Соликамск, Чердынь находились на территории Казанской губернии, Верхотурье, Ирбит и посад Екатеринбург входили в состав Тобольской, пригородок Оса, Шадринский дистрикт и Красноуфимская крепость – Оренбургской губернии. См. Рындзюнский П.Г. Сословно-податная реформа 1775 г. ... С. 95.

⁶ См. Троицкая И.А. Ревизии населения России как источник демографической информации. (Методологические проблемы). дис. ... канд. экон. наук. М., 1995.

⁷ Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 191.

⁸ Кунгурский городской архив (далее – КГА). Ф. 557. Оп. 1. Д. 8.

⁹ О типологии уральских городов см.: Миненко Н.А., Алпаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX в. М., 2006. С. 8.

¹⁰ Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывание архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2001. С. 50.

¹¹ Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы... С. 154.

¹² Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 770.

¹³ Исторический архив ЧКМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2838/23. Л. 127 об., 164 об.

¹⁴ См. ГАСО. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15. Л. 72.

¹⁵ См. ГАСО. Ф. 644. Оп. 1. Д. 13.

¹⁶ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 644. Оп. 1. Д. 13.

¹⁷ См. Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города... С. 305.

¹⁸ Пешков В.Н. Население городов дореформенной Пермской губернии // Наш край. Материалы 5-й Свердловск. обл. краевед. конфер. Свердловск, 1971. С. 38.

- ¹⁹ Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города... С. 25, 197.
- ²⁰ ГАСО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 34. Л. 340.
- ²¹ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 46. Л. 169 об.
- ²² Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 96. Л. 126 об. О постоянной подпитке местного посада из «соликамских мест» Пермского края (выходцами из Нового Усоляя, Соли Камской и Соли Вычегодской) во второй половине XVIII в. см.: Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге. Екатеринбург, 1998. С. 67.
- ²³ ГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 38. Л. 133 об., 136.
- ²⁴ Там же. Д. 96. Л. 263 об.
- ²⁵ Там же. Л. 232 - 232 об., 242 об.
- ²⁶ Там же. Д. 34.
- ²⁷ Там же. Л.31 об., 64, 95 об.
- ²⁸ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 73.
- ²⁹ Там же. Д. 46. Л. 91-92.
- ³⁰ Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 34. Л. 339 об.; Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 46. Л. 63.
- ³¹ ГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 96. Л. 237.
- ³² Ранее ГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 72. Л. 133, 219; Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 79. Л. 39 об., 215 об.
- ³³ ГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 96. Л. 237.
- ³⁴ ПСЗ-1. Т. 20. № 15006.
- ³⁵ ГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 96. Л. 158 об., 230 - 230 об.
- ³⁶ Андреев Н.В. История пермского городского самоуправления последней четверти XVIII — первой четверти XIX в. Екатеринбург—Пермь, 2003. С. 36.
- ³⁷ Андреев Н.В. Указ. соч. С. 10-11.
- ³⁸ П.И. Хитров отмечает 264 мещанина и цехового, что, скорее всего говорит лишь о числе тех, кто постоянно жил в городе. Хитров П.И. Основание и развитие Егошихи — Перми в XVIII в. в сравнительном освещении // 250 лет Перми: Материалы науч. конф. «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермь, 1973. С. 36.
- ³⁹ Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 429 - 44, 496 - 519, 530 - 541.
- ⁴⁰ Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ея состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству в 3 ч. 2-е изд. СПб., 1813. Ч. 3. С. 87.
- ⁴¹ ГАПК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1.
- ⁴² ГАПК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1.
- ⁴³ Андреев Н.В. Указ. соч. С. 20.
- ⁴⁴ см. Анимича Е.Г. Красноуфимск // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 289.
- ⁴⁵ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 43. Л. 30-30 об.
- ⁴⁶ Балбашевский Г.И. Указ.соч. С. 39.
- ⁴⁷ История Курганской области. Т. 3. С. 72.
- ⁴⁸ Балбашевский Г.И. Указ.соч. С. 44.
- ⁴⁹ ГАПК. Ф. 36. Оп.1. Д.8. Л. 205 об.
- ⁵⁰ ГАШ. Ф. 474. Оп. 1. Д. 13. Л. 73-89 об.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 38. Л.167, 195 об.
- ⁵² ГАСО. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15. Л. 143-148 об.
- ⁵³ Там же. Л. 148.
- ⁵⁴ Смышляев Д.Д. Указатель статей // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских ведомостей в период 1842-1881 г. Вып. 1. Пермь, 1882. С. 6, 16; История Курганской области. Т. 3. С. 45.
- ⁵⁵ Балбашевский Г.И. Указ.соч. С. 40-41, 43.
- ⁵⁶ Благодарю за ценные замечания при подготовке данной статьи д.и.н. С.В. Голикову.